

Пробуждение впервые за последние дни выдалось безмятежным, ничего не болело, и очень хотелось потянуться, прямо как в лучшие годы.

Эх, хочешь не хочешь, а глаза открывать придется. Миха открыл и едва не вскрикнул, не признав с первого взгляда крышу тира. Ему даже на мгновение показалось, что он находится где-то в другом месте. Да нет же, вот она крыша, и створчатая железная дверь на второй этаж в сохранности, как и парапет, немного покусанный выстрелами деревянных солдат Урфин Джуса. Но наведенный тут порядок изменил место до неузнаваемости. Ни бумажечки, ни пылинки, веревки в аккуратных бухтах, ленты свернуты и упорядочены, как книги в библиотеке педанта. Над Змеем же кто-то соорудил навес. По правую руку, у самого парапета, стоял Глыба, чистил «Утес», рядом столбиками выстроилась остальная команда, с упоением слушающая, как великан на полном серьезе рассказывает устройство крупнокалиберного пулемета, причем в мельчайших подробностях. Заметив, что Войнов проснулся, Глыба, встав по стойке смирно, словно крупный соборный колокол, пробасил:

— Капитан на палубе!

— Вольно, — на автомате ответил Михаил, следом сплюнув: — Тьфу ты. Глыба, ты что, все руководство по «Утесу» наизусть знаешь?

— Знаю, — ответил заулыбавшийся гигант.

— А можешь с самого начала?

Гигант кивнул, встав по стойке смирно, затараторил:

— Министерство обороны, для служебного пользования. Руководство по 12, 7-мм пулемету «Утес» (НСВ-12, 7).

— Стоп-стоп-стоп, и много ты такого знаешь?

Алеша Попович пожал плечами.

— Глыба много чего знает, каждую точку помнит, каждую запятую.

— Чертежи тоже?

— Глыба все, что видел, не забывает.

Змей поверил сразу, даже проверять не стал — ангелы не врут.

— Как чувствуешь себя? — спросил заинтересованный Миха.

— Отлично, капитан третьего ранга, — Глыба вновь встал навтыжку. Только Войнов хотел возмутиться, как гигант еще больше вытянулся, высоко задрал подбородок, и отчеканил: — Капитан третьего ранга, можно к вам обратиться, рядовой Глыба?

— Обращайтесь, матрос, — только и смог выговорить Оружейник.

Великан просиял:

— Возьмите меня, Глыба полезный.

— Что умеешь, матрос? — Михаила понесло, но он почему-то не мог остановиться.

— Глыба сильный, Глыба быстрый, Глыба пулеметчик, Глыба повар, Глыба многое умеет.

«Во свезло-то», — мысленно присвистнул мужчина. Было заметно, гигант сильно нервничает.

— Принят, — сказал, как отрезал, Змей.

Алеша Попович уже привычно включил свое «солнце», а крыски, радостно пискнув, устроили кутерьму на его голове, благо разгуляться было где.

— Эй, банда, — повысил голос улыбающийся Оружейник. — Только обращаемся друг к другу коротко и по возможности тихо, мы же не хотим себя обнаружить, тишина — первое правило спецназа.

— Мы спецназ? — как-то восторженно удивился Глыба.

Не хотелось Михаилу разубеждать эту святую наивность, и все тут. Даже грызуны замерли у него на голове, встав столбиками. «Они что, меня полностью понимают, что ли? — мимоходом подумал Войнов. — Так внимательно вслушиваются». И что-то его дернуло ответить:

— Да, Глыба, мы спецназ, мы длань наказующая Стикса.

В вышине громыхнуло, да так, что титан пригнулся, с благоговением посмотрел на чистое летнее небо, затянутое перистыми облаками. Крысок с парашюта сдуло, будто их там и не было.

«И куда я в очередной раз ввязался? — уже обреченно подумал Змей, высматривая хотя бы небольшую тучку. Горизонт был чист. — Язык мой — враг мой, — в сердцах посетовал Оружейник, — надо бы поосторожней здесь со...».

Закончить мысль мужчина не успел, его схапал и, будто игрушечного солдатика, поставил на ноги Глыба.

— Змею нужно тренироваться!

Оружейник и не спорил, он держался, держался и наконец сделал первый шаг, качнулся, сделал второй. Упасть ему не дал, подхватив, Глыба. А Миха улыбался, растянув рот до ушей, как полоумный. Да что там упасть, он лоб готов был расшибить в кровь после таких триумфальных ШАГОВ!

— Каждый день Змею ходить, — прогромыхал великан, без труда удерживая взрослого мужчину на вытянутых руках. — Глыба следить. Глыба тренировать. Глыба массировать. Змей побежит.

Войнов с удовольствием смотрел на свои ноги под жесткими пальцами Глыбы, это были уже не те бамбуковые палки, на которые без жалости не помотришь, и на заднице мышцы уже появились, раньше были только тазобедренные суставы, обтянутые кожей, ягодицы полностью отсутствовали.

— Глыба, где ты так научился?

Оружейник понимал — перед ним спец, скорей всего, бывший спортивный специалист. Тут же его наблюдения подтвердились.

— Глыба в Лесгафте лучший. Змей запущен очень. Глыба исправит. Змей побежит.

Михаил задумался, учиться и быть в Лесгафте лучшим как-то не вышло с состоянием интеллекта этого гиганта, и в то же время Глыба и ложь несовместимы, это он сразу просек. Версий у Змея имелось сразу несколько: травма головы, последствия отравления заринном и, наконец, Стикс.

Мужчина посмотрел на нового друга.

«Да мне все равно, что там случилось, парень, можно сказать, святой. Нужно, если появится возможность, помочь ему».

— Спасибо, Глыба, что бы я без тебя делал, дорогой ты мой великан. Скоро нам придется уходить отсюда, а я, к сожалению, пока медленнее черепахи.

— Глыба понесет.

— А выдюжишь? Я хоть и худой, но все семьдесят вешу. Еще у нас как минимум будет пятьдесят килограмм снаряги, боеприпас, провиант, оружие.

Гигант хмыкнул:

— Глыба бежать сможет. Много сможет.

— Хорошо. Возможно, это и выход, будем пробовать. Глыба, там на кухонном стеллаже папка толстая лежит, канцелярская, принеси, пожалуйста.

В папке, как Войнов и ожидал, хранилась незамысловатая бухгалтерия потрошителей, писчая бумага, пара карандашей, несколько ручек и, что совсем неплохо, карта Ленинградской области. «Хорошая находка», — обрадовался Змей и сразу сунул ее в нагрудный карман.

— Вот смотри, Глыба, — Оружейник на одном из листов штрихами нарисовал простейшую охотничью понягу, в древности на похожих мешки с мукой таскали, а охотники зверя из тайги выносили. — У нас есть аргон, есть дюралевые трубки, наличествует все для сварки хорошей рамы. Делаем ее в виде зауженной кверху трапеции по твоим размерам, на уровне поясицы или чуть ниже привариваем полку, обычно ее делают шириной в сто пятьдесят миллиметров, мы сделаем триста, мне будет удобней сидеть. Спинной лист вырезаем по форме внутреннего профиля, обшкуриваем, обвязываем стропой и крепим к внутренней части рамы. Лямки предлагаю пошире сделать, тебе на плечи меньше давить будет. На крыше как раз есть широкая капроновая лента, подойдет великолепно, книзу ее заузим и обвяжем. Меня закрепим армейскими поясными ремнями, они широкие, хорошо регулируются, замки мощные. Трех, думаю, хватит: бедра одним ремнем притянем к полке, а грудь и живот оставшимися двумя. Получится, что руки свободны, неплохое прикрытие с тыла, и глаза, опять же.

— Ага, — расплылся в улыбке Глыба.

До глубокой ночи они мастерили понягу. Опробовали, гигант даже пробежался по кругу со Змеем за спиной, все остались довольны, вещь вышла знатная.

Приятно, когда ты наконец выспался, чист и накормлен. Еще приятней, когда тебя окружают заботой и есть возможность немного побездельничать под предлогом «не беспокоить, командир думает».

«Красота-то какая, лепота, сидишь себе спокойно с умным видом и смотришь, как

добродушный джин и его два вездесущих помощника метаются туда-сюда, гремят крышками, что-то там сливают, процеживают, колдуют у плиты».

Глыба и вправду оказался поваром, да еще каким, Оружейник давно не ел так правильно. Первое, второе, третье и настоящий компот из сухофруктов, еще и пирожки для перекусов пообещали испечь.

— Командир, пей! — Глыба протянул Змею большую кружку.

— Что это? — запах горячей жидкости напоминал глинтвейн.

— Глыба сделал грох*. Грох нужен Змею. Алый грох, — значимо добавил великан.

— Раз надо, значит надо, — Миха выпил. — Странный вкус, но пить можно, даже приятно. Рецепт расскажешь?

Парень кивнул.

— Глыба взял алую горошину, вино, уксус, корицу, перец, сахар, сильно постарался, получился алый грох для Змея.

— Понятно, — вздохнул Оружейник, — еще тот рецептик. А повар для себя оставил этакую полезность? — богатырь отрицательно замотал головой.

— А для остальной команды? — продолжил допрос Войнов.

На это Глыба и вовсе округлил глаза и еще интенсивнее замотал головой, пожав плечами:

— Нет, командир.

— Почему?

— Очень редкий, очень дорогой.

— Понятно. Давай-ка сваргань еще раз это редкое пойло, для себя и команды, думаю, Тень с Тигрой не откажутся, все, что полезно, они за милую душу пользуют. Да и я не откажусь.

— Змею нельзя, — уверенно прогромыхал Глыба и назидательно добавил: — Много — смерть.

Еще два-три часа Оружейник провел на импровизированной кухне, обустроенной Глыбой, наблюдая, как делаются грох и живчик, параллельно получая массу бессистемной информации, среди которой была и иерархия тварей, и рассказы о сильных мира сего, и еще много всего безусловно важного. По завершении «лабораторных работ» Змей решил, что время, потраченное у плиты вместе с Глыбой, можно назвать чрезвычайно продуктивным. Он уяснил для себя главное: во всех жизненно важных зельях в Стиксе используются биогенные образования монстров, и чем сильнее монстр, тем продукты, добытые из него, ценней. Пить такие зелья нужно осторожно и в небольших дозах, но регулярно.

Как-то незаметно за насущными делами прошел день.

Из оружейных ящиков Алеша Попович сделал для Михаила массивное сиденье с высокой спинкой и усадил туда, как принца. Теперь Змей с удобством мог предаться любимому делу — чистке оружия. Так они и скоротали вечерок, без разговоров, просто чистили оружие — хорошо, спокойно.

Тигра спала, свернувшись у ног командира.

«Ну и большая, — подивился капитан, рассматривая свою боевую подругу: — Как же она так выросла? Я и не заметил. Уже поболее таксы будет, да и на крысу она не очень-то похожа, скорей россомаха, только окрас тот же, тигриный».

Чуткая питомица, видимо, почувствовала, что на нее обратили внимание, завозилась. Змей успокоил:

— Тишь-тишь. Спи, спи моя хорошая, отдыхай моя Тигра, сил набирайся, чую, дел у нас впереди уйма, верней, уймаща.

Миха захотел почувствовать ее детеныша. Как он там? Тень нес службу по охране на парапете крыши. Мужчина увидел его, будто со стороны слега подсвеченного. Крысенок трусил по кирпичному ограждению, внимательно вглядываясь в вечернюю мглу, совершенно бесшумный, совершенно невидимый, в общем, лучший постовой всех времен и всех армий. Оружейник решил посмотреть сверху, и у него получилось, он увидел все здание целиком и даже маленькую тень, перемещающуюся по парапету, определил всех живых существ в радиусе пятисот метров, подсвеченных желтым — цели были неопасны, и среди них — одна дружественная, отмеченная зеленым. Попытка расширить угол обзора удалась, но где-то на отметке пятисот-шестисот метров Войнов почувствовал боль, пришлось вернуться обратно. Он прошел сквозь бетон без помех, видеть себя со стороны было интересно, своим видом стрелок остался доволен — это уже не тот живой скелет с горящими глазами, сидящий в инвалидной коляске.

«Мясцом оброс, — с удовлетворением подумал Оружейник. Его тело сидело за столом, будто парализованное, на столе в разобранном состоянии лежали два ПП-2000, но что-то было неправильно, мешалось, как камешек в ботинке или маковое зернышко меж зубов. — Что же это?»

Напротив уже нервничал Глыба, что-то говорил Змею, он же вместо слов слышал только гулкое «бу-бу-бу».

«Нужно поработать над этим, постепенно, может, и звук добавится, тогда и вовсе обалдеть будет. Мы тогда ого-го какими станем, любых Урфин Джусов прижучим. Но что же не так?» — ощущение неправильности назойливой мухой все продолжало зудеть.

— Да вот же оно! — обрадовался Михаил, найдя причину зуда, ею оказались разобранные части двух автоматов. — Собрать!

Он возвратился в тело и с такими же ошалелыми глазами, как у его соседа, смотрел, как автоматы сами собираются, причем заимствуя детали друг у друга. Вдох-выдох, и оружие собрано. Создавшуюся тягучую тишину разрушил насмешливый голос Оружейника:

— Вот же жесть. Цирк уехал, а один фокусник все-таки остался. Надо бы работать над тем, чем одарил Стикс, развивать. Глыба, не волнуйся, это, похоже, мой дар прорезался.

— Круто, — громыхнул гигант, явно ожидая продолжения, как дите. — Глыба испугался. Змей молчит, стеклянные глаза смотрят, автоматы собираются. Жутко стало Глыбе, у-у-у-у, — парень сжался, обхватив себя ручищами и едва сдерживая рвавшуюся наружу улыбку. Выглядело это мило. — Пожалуйста, Змей.

— Что? — не понял Войнов.

— Повтори, а.

Пришлось повторять, хотя ему и самому хотелось еще раз попробовать, а свою способность видеть на расстоянии Оружейник назвал «Оком».

— Теперь я как в песенке сыщика из «Бременских музыкантов»: «И нюх как у собаки, и глаз как у орла». Только нужно усложнить задачу, — капитан возложил руки на стол. Желание увидеть его сверху реализовалось сразу. — Теперь я бесспорно лучший игрок в покер, эх, сейчас бы в Лас-Вегас, уж там бы я устроил партнерам казино-армагеддон, — он сконцентрировался на двух автоматах и приказал: — Разберись.

Детали вмиг размытыми силуэтами разложились на рогожке. Змей вернулся в тело и, не обращая внимания на восхищения и ахи-охи Глыбы, тщательно перемешал детали, разделив их на равные части, и развел эти две кучи по разные края рогожки. Тут же сосредоточился и приказал:

— Соберись.

Автоматы собирались значительно медленнее, если так можно сказать о лишние пяти-шести секундах. Частенько детали для сборки носились туда-сюда над столом, ища свое место. Завораживающее зрелище. Только когда ПП-2000 были собраны, Оружейник понял, что не входил в это свое состояние «Ока», а разница всего лишь в легкой испарине.

«Вот же чудеса, да я настоящий техно-маг. Получается, в обычном состоянии, сил и времени на такие действия тратится больше, и что-то мне подсказывает, есть еще существенные различия».

— Глыба, принеси, пожалуйста, пару пистолетов. Я их на сейфе видел, — великан кивнул и сорвался, раз-два, и он с горящими от восхищения глазами стоит у плеча, выложив на стол два «Стечкина» и ТТ. — Хорошие пистолеты, — Глыба снова покивал. Михаил выбрал «Стечкиных», протянул их парню: — Сломай или погни чем-нибудь, там в углу верстак, тиски, и кувалда даже есть. Пластиковые накладки на ручках, наверное, треснут, но ничего, эксперимент есть эксперимент.

Глыба покраснелся, глаза его блестели весельем, еще чуть-чуть, и в пляс пойдет. Однако к верстаку он не отправился, сделал все голыми руками. Лучше не видеть, что могут руки этого гиганта, он погнул сначала один пистолет, следом другой, притом без каких-либо ужимок и надувания щек, раз, и все, будто эта гордость российских оружейников из пластилина сделана.

— Во силища. Красава, — Змей покрутил в руках скрученные железки, — ты, Глыба, молоток, нет, ты кувалда, обалдеть, что можешь, такое на любом шоу показать не стыдно. В общем, мы тут все с цирковой жилкой подобрались. Ты силач, я факир, мелкие и попрыгать, и побегать, и по стенкам, и по потолку, сейфы на раз вскрывают, человеческую речь понимают. Да и какие они мелкие, вон как Тигра вымахала, и на этом, думаю, не закончила. Многие их умения за кадром остаются, подкинут они нам с тобой пару-тройку сюрпризов, как пить дать подкинут. Ну хорошо, отвлеклись немного, теперь за дело.

Войти в «Око» получалось теперь словно по щелчку пальца. Оружейник сосредоточился и приказал:

— Разберись!

Пистолеты дернулись, и все, лишь нагрелись, их горячую структуру Войнов почувствовал

сразу, причем знал точно — сто пятьдесят шесть градусов. От стола, на котором лежали пистолеты, запахло жженым лаком, появился легкий дымок. Глыба, как оказалось, мог действовать и сообразительно, и стремительно, противень из духовки мигом был подложен под нагревшиеся пистолеты.

— Так не получилось, пробуем дальше, — пробормотал себе под нос Михаил, сосредоточился и, отринув мысли, с жаром приказал:

— Исправить.

По пистолетам будто темная искрящаяся волна прошла. И металл, и пластик на рукояти даже визуально изменились, структурно же и того больше, такого материала Войнов никогда не видел: темный, матовый, и вместе с тем будто подсвеченный изнутри.

«Млин, вот я и литейщик уже. Хорошо, металл и пластик изменился, в лучшую ли сторону, проверить еще успеем».

Однако сама сломанная конструкция не исправилась, перед взором мужчины лежали почти те же болванки, негодные ни на что. Попытался еще несколько раз, и все тщетно. Пришлось немного передохнуть и пораскинуть мозгами.

Нет, от неудачи он не расстроился, какие уж тут расстройства, все это будоражило и было интересно до одури.

«Может, вернуться к началу, к истоку, так сказать? — Оружейнику вспомнилось то зудящее ощущение неправильности, после которого все и завертелось. — Надо попробовать пойти по этому пути».

Он глядел на эти изломанные, неправильные, негармоничные, что ли, стволы, и они раздражали, хотелось исправить это непотребство. Змей смотрел на них и смотрел, но ничего не происходило, что делать дальше, было совершенно не понятно.

Холод. Михаил почувствовал кратковременный сильный холод в кистях рук.

Откуда появились эти тонкие, почти прозрачные, будто сотканые из тумана, кисти рук, он понятия не имел, зато в состоянии «Ока» они слушались его как родные. Взяв в белесые ладони призрака один из пистолетов, мужчина без труда выровнял его и даже затвор передернул.

Где-то рядом загудело. Ага, — понял Войнов, — это Глыба буянит, орет что-то радостное и в ладоши хлопает. Рядом младший состав козликами прыгает, в общем, веселится народ, будто на Масленице, и все как бы в замедленном действии.

«Не отвлекаться, — одернул себя офицер, он держал в этих призрачных тонкопалых светящихся руках, казавшихся такими хрупкими, тяжелое темное красивое оружие, и оно ему почему-то все равно не нравилось, чего-то снова не хватало. — Пойдем дальше, будем добиваться его совершенства, — мимолетом подумал Миха и возжелал этого всем естеством. — Я хочу этого, я могу это», — твердило сознание.

В один момент прозрачные кисти вспыхнули ослепляюще ярко, и вместе с этой вспышкой Оружейник получил приступ сильнейшей всеобъемлющей боли, из него будто ручейком жизнь потекла в это изделие, и изощренная пытка все продолжалась и продолжалась, а сил становилось все меньше.

Секунда, две или целая вечность, время будто перестало существовать, вот «Стечкин» ярко-белого цвета, металл расплавлен, бурлит, но держится в форме, и даже жара нет. А как же законы физики? И как же патроны, порох, там же целый магазин, почему еще нет взрыва?

«Прочь, ненужные, прочь, — гнал мешающие мысли Змей, опять настраиваясь на процесс, его самого корежило, как этот металл. — Как же достала боль, терпеть мочи никакой нет».

Холодный расплавленный металл сменился пепельной летучей массой, она ураганами бушевала в пределах формы пистолета — жуткое зрелище. Пришло осознание того, что эти метаморфозы ой как небезопасны, и остановка процесса в легкую превратит окружающее в пустыню, а на какие расстояния, — только боги Стикса знают. Михаила потряхивало, силы заканчивались, он не знал, сколько еще сможет терпеть эту мучительницу-боль, сознание замутнялось.

«Держаться, нужно держаться, — подбадривал капитан себя. — Черные береты не сдаются! »

Оружейник чувствовал, как течет кровь по подбородку, из ушей, наверное, тоже, как бушует Глыба, пытаясь пробиться к нему, стучась, словно мотылек о крепкую для него лампу накаливания. Тигра с Тенем рвали купол своими «лунными когтями», все тщетно.

«И хорошо, что так, как же все это суетно».

Все, — решил Оружейник, — закончил, и наступил столь желанный и долгожданный покой. Темнота.

<http://tl.rulate.ru/book/15403/306143>